

О РЕКЕ ВРЕМЕНИ – И НЕ ТОЛЬКО

Так получилось, что понятие «исторический» в самых его разнообразных смыслах и ракурсах для меня прочно связано с конкретным человеком, который вошел в мою жизнь хмурым февральским днем далекого 1981-го. Исторической, хотя и мимолетной, какой-то случайной, была наша первая встреча. Не менее исторической оказалась и вторая – по-видимому, неотвратимая в своей фатальной предопределенности. А потом калейдоскоп событий закрутился, завертелся с бешеной скоростью – и уже я просто не мог представить себе исторический факультет Уральского государственного университета без него – без Валерия Павловича Степаненко.

Быстрый шаг, чуть согнутые колени, хитрый прищур, академическая бородка, по-европейски демократичный дресс-код члена Всемирного Ордена Пиджаконенавистников и Галстукоборцев. Потрясающее умение интересоваться буквально всем (а если чем-то и не интересоваться, то умело не подавать виду). Истовая преданность Книге, Живописи, Архитектуре, Скульптуре. Абсолютно по-университетски скрупулезно, с любовью подобранная личная библиотека, где всегда найдется монография, сборник, альбом – и не какие-то, а те самые, наиболее нужные. Эпатажный анархо-индивидуализм, чудесным образом совмещаемый с верностью той уникальной корпоративной культуре, что рождена истфаком УрГУ. Ученый снобизм и подчеркнутая верность традициям (школы, метода, etc.), волшебно уживающиеся с постоянной готовностью впитывать новое. Страсть к путешествиям и познанию исторического пространства. Не зря, наверное, Петрарка подметил: «Неподготовленной душе путешествия не приносят никакой пользы, подготовленную исцеляют, исцеленную охраняют». Думаю, эта душа, вселившаяся в тело 60 лет назад в разноцветном многоголосом Тбилиси, давно исцелена – служением Европе и Азии, Югу и Северу, Византии и Руси, Славянству, Романству, Османству... Всему, что живо, что интересно, что расцветает на стыке культур... Думаю, именно такие пытливые натуры населяют удивительный мир «Баудолино» – любимого мною ро-

мана Умберто Эко. Без них мир стерилен и сер, жизнь рутинна, а в сердцах поселяются безразличие, жесточение и тоска...

Итак, 1981-й. Мы, команда студентов-историков славного УрГУ, приехали в загадочную Тюмень с одной целью – победить в историческом КВНе соперников из пригласившего нас неведомого Тюменского госуниверситета. Мы представляли собой микросообщество представителей разных курсов, связанное воспоминаниями о Баклинском отряде Крымской археологической экспедиции УрГУ образца 1980-го. Тюмень нам тогда не особо запомнилась (разве что консервными банками с пельдью, обилием вина «Эрети» и общежитием, где мы разместились – старым толстостенным домом, о котором нам сказали, что когда-то его занимала колчаковская контрразведка). В актовом зале типовой сталинской школы, в которой размещался Тюменский университет (было ведь и такое – сегодня самому приходится убеждать себя, что все-таки было!) мы сошлись в поединке с тюменцами. Это было похоже на серию убойных пенальти – на каждый наш смертельный вопрос они отвечали таким же колючим выпадом. В общем, к финалу мы подошли с ничейным счетом – 5:5. И тут нам повезло – мы сумели ответить на какой-то вопрос другой стороны. Теперь нужно было поставить точку – и не промахнуться. В нас – людях, выросших в Свердловске, Каменске-Уральском, Артемовском, Челябинске, Миассе и Озерске – почему-то засел какой-то горноуральский шовинизм. Надо порвать на куски обитателей болотистой Западносибирской низменности! Запас подготовленных вопросов был исчерпан, пришлось за минуту перестроиться и прибить тюменцев сокровенным знанием, вынесенным нами из краткой, но содержательной лекции о средневековых изделиях из стекла, которую за полгода до того в жаркий день на хранимой Богом горе Бакла нам прочел по поручению нашего шефа уважаемый сахем-старшекурник. Он сказал просто и ясно: стекло Византии – зеленое или синее, Кавказа – черное, Киевской Руси – красное, а Средней Азии – оливковое. Мы тогда слабо представляли себе цвет оливок, но слушали, разинув рты. Теперь эту тайну средневекового стеклянного разноцветья предстояло разгадать нашим несчастным соперникам. Они, разумеется, в Крымских горах не копали, куда им до нас! И вот, когда я огласил «правильный» ответ и мы уже были на волосок от победы, в жюри (разумеется, стопроцентно тюменском) вдруг ожил человек с бородкой, который спросил высоким голосом, откуда у нас столь обширные познания. Наш ответ был категоричен и убийственно прост. Да мы из КАЭ УрГУ! Давно копаем Херсонес и все такое, понятно? Слыхали, поди? Или нет? Мы возбужденно, в несколько глоток, прокричали это в пере-

О Реке Времени — и не только

полненный зал. Бородач кивнул и промолчал. В общем, выдрали мы с боем, как и подобает орлам VI Легиона, у жюри заветное очко. У меня как у капитана команды где-то хранится большая позолоченная медаль за победу с надписью «Магистр истории. Тюмень-1981». Кстати, два года спустя УрГУ опять победил — при капитанстве Виктора Кокшарова. Наши привезли такую же медаль. Видимо, добивали восточных соседей потасенными знаниями из области новейшей истории Запада...

Но вернемся в 1981-й. Прошло еще полгода — и снова практика в Крыму. «Первоубийцы» Тюмени почти в полном составе вскарабкались на новую для себя гору — Мангуп, где нам предстояло провести месяц в трудах и романтике. Это мистическое в своей красоте место пленило нас с первого взгляда.

Вот только наш квартирьер (как и я — второкурсник), посланный в мангупский лагерь накануне, как-то странно посмотрел на меня и промямлил:

— Да тут вообще прекрасно. Кормят на убой. Хлеб на вертолете привозят. Волейбольная площадка есть, полевая кухня...

А потом выпалил:

— И тот бородач из Тюмени, из жюри, которого ты крымской археологии учил ... он тоже здесь. Он тут один из главных, в авторитете. Говорят, большой специалист по культуре Средневекового Крыма.

Ни до, ни после мне не было так стыдно. Глупые малолетки из Свердловска, как стая бандарлогов, распумелись в Тюмени, в гостях, о своем показушном величии. Мы кусали его, а он не дал нам сдачи — хотя мог бы сделать это легко и непринужденно, как мудрый питон Каа. Почему? Позволил нам сохранить лицо — потому что мы из того университета, который он когда-то окончил? Пожалел? Не снизошел до нас, смешных в своем чванстве?

Мне было тогда 19, ему — 32. Не думаю, что я сам в 32 года (когда стал деканом истфака УрГУ) дал бы так легко «отскокить» неразумным хазарам, откуда бы они ни пришли.

Я узнал у симферопольцев, как зовут этого достойного человека, и тихо подошел к нему. Он сидел спиной к столбу, на котором крепилась волейбольная сетка.

— Здравствуйте, Валерий Павлович, — сказал я, потупясь. — Помните меня?

— Помню, помню, Дима, — как-то легко и звонко ответил он.

Я хотел сказать что сожалею, что извиняюсь. Но не сказал — в этом уже не было нужды. А потом был прекрасный месяц и великолепное посвящение первокурсников в археологи. Мы, замковая стража, стояли

на крепостной стене с факелами в руках и вглядывались вниз, в ночные заросли — не идут ли? А еще смотрели в черный горизонт — потому что не могли не смотреть, потому что сердце от волнения выпрыгивало из груди, а за спиной вырастали крылья. Так хорошо было нам в том 1981-м в Крыму.

С тех пор мой любимый мультфильм — про львенка, которого озвучила Рина Зеленая. Помните, ему там втолковывают: «Не говори, что умен — встретишь более умного!»

А я так и не спросил у Валерия Павловича, почему он не прикончил уральских выскочек в том снежном 1981-м в Тюмени. Ни мечом, ни кувалдой, ни мизерикордией...

Это потом он вернулся из Тюмени на родной факультет.

Это потом его мама иногда звонила моей жене, которую ни разу в жизни не видела — и они вели долгие задушевные разговоры. Время безжалостно — собеседница так и останется для моей Надежды голосом из телефонного запределья, где обсуждались темы, волновавшие старую женщину, постоянно ждавшую своего неугомонного Валеру из дальних странствий.

Это потом, летом 1997-го, я убедился в том, насколько он — казалось бы, свободолюбивый сатирик, несистемный и острый на язык трикстер — организован, дисциплинирован и равнодушен в решении непростых ситуаций, которые возникали в нашей преподавательско-студенческой группе, исколесившей Турцию с юга на север и обратно. Как он волновался, не случилось бы чего в жаркой Конье! А все ли ночуют на своих местах в стамбульском отеле? Слишком много было в нашем «отряде» юных блондинок, да и брюнеток, не желавших что-то менять в своем мини-юбочном облике даже в самом сердце измирской махалли, где мужчины горячи, как раскаленные на солнце булыжники старой брусчатки. Я, тогда декан факультета, привык, что столб ответственности давит на меня, а не на кого-то другого, и с благодарностью оценил искреннюю поддержку коллеги. Мы вернулись домой в хорошем настроении и в полном составе... уф-ф-ф, иншалла!

Это потом были Болгария-1999 и Болгария-2005, а между ними — Крым-2004, осенние школы истфака 2000-х.

Это потом одной из моих любимых фотографий стало фото Валерия Павловича в обличье болгарского царя Калояна в Велико Тырново. С трона под стенами Царевца из лета 2005-го грустными профессорскими глазами смотрит Балканское Средневековье.

О Реке Времени — и не только

Это потом я увидел, как его уважают на тюменском истфаке — уже в 2000-х, когда мы были на юбилее историков Тюменского университета, сказочно поднявшегося в 1990-е.

Это потом ... впрочем, неважно, что было потом. Для меня он так и останется — Человеком-с-Мангупа, спокойным и мудрым магом из моей студенческой юности, где ветер рвал горизонты Горного Крыма и раздувал неправдоподобно яркие рассветы ожиданий и надежд. Там не было тревоги — только солнце, звезды, ветер, радость, ароматы персиковых садов, кукурузных и табачных полей!

И всякий раз, когда я потом оказывался с ним где-то (неважно, где!), когда-то (неважно, когда!), я вновь и вновь жадно ловил порывы этого ветра и отблески этих рассветов.

А говорят, в одну реку нельзя войти дважды...

Нам удавалось и, надеюсь, удастся — еще не раз!

Д.В. Бугров,
Ректор Уральского государственного университета